

Интердевочка
Ребро Адама
Ты мне только пиши...

Владимир Кунин

**ИНТЕРДЕВОЧКА
РЕБРО АДАМА
ТЫ МНЕ ТОЛЬКО ПИШИ...**

Сборник повестей

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(2)
К91

Кунин, В.

К91 Интердевочка. Ребро Адама. Ты мне только пиши... /
В. Кунин. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2020. – 390 с.

ISBN 978-5-521-74526-5

На рубеже 90-х повесть «Интердевочка» произвела в нашей стране эффект разорвавшейся бомбы. Она стала абсолютным национальным бестселлером и легла в основу сценария одноименного фильма Петра Тодоровского с Еленой Яковлевой в главной роли. Прошли годы, и история элитной «ночной бабочки» из Советского Союза по-прежнему трогает сердца, как и тема любви по-прежнему нарушает все законы – законы времени, жизни и смерти. О ней мечтают четыре женщины в ставшей классической повести «Ребро Адама», по которой режиссер Вячеслав Криштофович снял фильм с Инной Чуриковой в главной роли. Именно любовь становится тем «лекарством» от одиночества, когда есть кому сказать «Ты мне только пиши...».

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821
ББК 84(2)
ВІС FА
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74526-5

© Т8 RUGRAM, 2020
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020
© Текст, В. Кунин, наследники, 2020

ИНТЕРДЕВОЧКА

Жизнь — не школа для обучения светским манерам. А наш роман не пособие о том, как держать себя в свете, и не научная книга о том, какие выражения допустимы в благородном обществе. Это историческая картина определенной эпохи.

*Ярослав Гашек. Из послесловия к первой части
«Похождений храброго солдата Швейка»*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Была середина белой летней ночи. Мне нужно было успеть одеться, привести себя в порядок, выскользнуть из гостиницы, поймать тачку, доехать до дома, поспать пару часиков и к восьми махнуть в свою больничку.

Времени было еще навалом. Я стояла у распахнутого окна в одних туфлях и трусиках и не торопясь застегивала лифчик. Я знала, что и без шмоток выгляжу будьте-нате, и была уверена, что он сейчас с меня глаз не сводит. Но если с вечера во мне к мужикам еще что-то шевелится, то к утру уже все настолько до лампочки, что и не высказать. И моя неторопливость — просто результат привычки.

С высоты десятого гостиничного этажа я видела плывущий по Неве буксир и баржу с желтым песком. Когда вздыхающий буксир вполз под взметнувшийся в небо пролет Литейного моста и звук его двигателя почти перестал быть слышен, с баржи донеслась мелодия какого-то старого фильма. Что за фильм, пес его знает...

— Я люблю тебя, Таня, — сказал он у меня за спиной.

Он неплохо трекал по-нашему. Даже надбавку получал в своей фирме за знание русского языка.

— Я тебя тоже, — ответила я, не оборачиваясь. Он мешал мне слушать мелодию с проплывающей баржи.

— Я хочу жениться с тобой, — торжественно произнес он.

Ох, черт подери! Неужели все? Неужели — точка?! Я резко повернулась к нему. Он все еще лежал в неширокой гостиничной кровати и напряженно щурил свои близорукие глаза.

— Слава те господи! — Я даже рассмеялась. — Наконец-то раскололся!..

— Что?

Я села к нему на кровать, погладила по лицу:

— Это правда, что мы поженимся?

Я заметила, что с ним и вообще с иностранцами, говорящими по-русски, я всегда разговариваю упрощенным языком. Это происходит невольно, помимо моего сознания. Может быть, я инстинктивно стараюсь облегчить им общение со мной?

— Ты действительно хочешь на мне жениться?

— Да. — Он положил голову мне на колени. Волосики у него были мягкие, реденькие, с пепельной проседью. — Я уже говорил со своей папой и мамой.

Это становилось серьезным.

— Нет, честно?!

— Да, конечно.

— И мы уедем к тебе?

— Да. Если хочешь.

Он еще спрашивает! А ради чего я здесь-то? Ни хрена они в нас не понимают. Даже самые умные.

Я наклонилась и поцеловала его в щеку. Почувствовала несвежий запах у него изо рта, встала и осторожно сказала:

— Теперь будет все, как захочешь ты. — И пошла в ванную.

Там я натянула свое бундесовое платице — полштуки отвалила за него Кисуле, — собрала в сумку свою косметику и подкрасила губы. И увидела непромытую, с засохшей мыльной пеной бритвенную кисточку. Я вот уже месяц с ним тусуюсь и каждый раз вижу эту непромытую кисточку. Но до сих пор я считала, что это его дело. А сегодня... Я тщательно вымыла кисточку, просушила ее в махровом полотенце и поставила на стеклянную полочку перед зеркалом. Может быть, именно с этой кисточки у меня начиналась совершенно новая жизнь...

Выйдя из ванной, я посмотрела в окно на Неву. Но баржи с песком уже не было — только след ее расходился по воде слабенькими волнами.

— Вот пятьсот крон. — Он смотрел на меня поверх очков и протягивал деньги. — Как всегда. Но если ты хочешь в долларах, то получится меньше. У нас сейчас немножко упал долларový курс, и тебе это не может быть выгодно.

Братъ? Не братъ?.. Да в гробу я видела эти пятьсот крон! Теперь мне важно совсем другое.

Я ему и сказала:

— Спрячь. Завязано. Теперь ты у меня знаешь как будешь называться? «Бесплатник».

Я видела, что он ни черта не понял.

— У нас жены с мужей за... это самое денег не берут, — с невольной гордостью за наши национальные уклады объяснила я. — Аморально.

— Это правильно. Хотя жена всегда стоит дороже. — Он спрятал деньги в бумажник.

Все-таки какие они рассудительные и четкие ребята. Не то что наши. Хотя я даже и не понимаю — нравится мне это или нет.

— Презенты возьмешь? — Он мне кое-что купил в «Березке».

Я посмотрела на часы и решила не рисковать. Прихватит «спецура», найдут у меня эти шмотки, пока выяснят, что я их не того... я и на работу опоздаю.

— Нет. Лучше привези мне их сам. Хорошо?

— Хорошо, — согласился он. — И надо про нас обязательно сказать твою мать.

Я не вынесла его русского языка и рассмеялась.

— Обязательно! Чао! — Поцеловала его в нос и пошла к двери. — Пронеси, господи!

Теперь у нас в «интуристах» дежурных по этажу нет. Все как у людей «за бугром» сделали. А кто может помешать посадить у лифта старшую горничную? Никто.

Вот и сидит за столиком наша подруга драгоценная — Анна Матвеевна. Вид — для полтинника — еще будь здоров. Вся в люрексе, на голове — «хала».

— Доброе утро, Анна Матвеевна.

— Танечка! — Ну просто мать родная.

Я лифт вызвала, сунула ей червончик, помадку французскую добавила.

Анна Матвеевна глазками захлопала:

— Ой, ну ты всегда, Танюшка! Ну прямо я не знаю...

Но тут лифт подошел. Я ей рукой махнула — и шашь в кабину.

А пока я себя в зеркале рассматривала и представляла, как я буду выглядеть «там» в качестве его жены, Анна Матвеевна (надо же быть такой сухой!) подняла трубочку телефона...

Ну и конечно, когда я доехала до первого этажа, тут же меня и приняли. Я так расстроилась, даже сплюнула.

— Тьфу, — говорю. — Ну что за непруха, а, Женя?!

А Женя стоит в свитерочке, в пиджачке кожаном и зевает. Ему только недавно лейтенанта дали. Все «младшим» был, бедняга.

— Может, отпустишь, Жень?

— Что ты, Зайцева! Пойдем, пойдем. У нас без тебя — скука смертная...

Пошли. Куда денешься?

— Анна Матвеевна стукнула? — спрашиваю.

— Я тебя не узнаю, Таня, — огорчился Женя. — Ты же опытный человек. Профессионал. Ну что за вопросы?

Идем гостиничными переходами. Мягкие кресла, полированное дерево, всюду пепельницы — кури не хочу. Другой мир! Казалось бы, спит гостиница без задних ног. А на самом деле держи карман шире: и наш «профсоюз» работает, и у спецслужбы ушки на макушке, и разная торговая шваль еще гуляет...

— А я замуж выхожу, Женя.